

Шао Цихань изо всех сил пытался вспомнить, говорил ли Мужун Цзю о своём личном враче. Кажется, говорил, но, к сожалению, Шао Цихань ничего не мог вспомнить. Теперь он снова начал сожалеть, что раньше не уделял А-Цзю больше внимания.

В момент растерянности Шао Циханя внезапно осенило.

— Почему бы мне просто не заглянуть в телефон А-Цзю?

Ругая себя за глупость, он быстрым шагом направился в главную спальню, но, подойдя к двери, стал двигаться осторожнее.

Мужун Цзю по-прежнему ничего не замечал вокруг, и Шао Цихань без труда взял телефон с прикроватной тумбочки, после чего тихо вышел из тёмной спальни.

Пароль от экрана телефона Мужун Цзю он знал. Снова обрадовавшись, Шао Цихань принялся листать контакты и быстро нашёл номер с пометкой «доктор Чэнь».

— Это, должно быть, личный врач семьи Мужун, — подумал Шао Цихань и уже собрался набрать номер, как вдруг пришло новое сообщение.

Он вздрогнул от звука уведомления и хотел проигнорировать его, но, мельком взглянув, заметил нечто странное.

Нахмурившись, он открыл сообщение и увидел, что оно было отправлено неизвестным, чьё имя не было указано.

— Сегодня... прости, я тоже вела себя не лучшим образом, надеюсь, ты поймёшь. И ещё... вещи, оставшиеся от тёти, я уже отправила тебе.

[Авторское примечание: Пятидесятая глава! Ура! И ещё один насущный вопрос: куда же положить мясо???)

— Тётя? Может, это мать А-Цзю? — задумался Шао Цихань, хмурясь.

Если это так, то сообщение, скорее всего, отправил кто-то из семьи Ло, ровесник А-Цзю, ведь только они могли называть его мать «тётёй».

Судя по тону, оно, кажется, было написано женщиной.

А из женщин в семье Ло есть только Ло Кайхуэй.

О чём она говорила с А-Цзю и почему просила понять? И что заставило его так странно себя вести? Вспомнив недавние бессвязные пьяные слова Мужун Цзю, Шао Цихань почувствовал тревогу.

Он понял, что дело снова касается матери Мужун Цзю. Да, вероятно, только что-то, связанное с ней, могло вызвать у него такую реакцию.

Размышляя об этом, Шао Цихань внезапно застыл, а затем горько усмехнулся.

— Даже если А-Цзю так сильно ценит эту женщину, что с того? Это его мать, а не кто-то другой. Я и впрямь глуп, ревную к умершему человеку.

Шао Цихань и вправду чувствовал горечь, ревнуя без причины. Он был эгоистичным и властным, жаждал, чтобы Мужун Цзю думал только о нём, не оставляя места другим, даже если это была его мать.

Но пока ничего не произошло, и думать об этом было бесполезно.

Поругав себя, он отбросил эти беспорядочные мысли, снова нашёл номер доктора Чэня, набрал его и кратко объяснил ситуацию.

Хотя уже была глубокая ночь и доктор Чэнь давно спал, он не мог игнорировать звонок работодателя. Сначала он удивился, услышав незнакомый мужской голос, но быстро понял, в чём дело.

Доктор Чэнь мягко раскритиковал Шао Циханя за отсутствие элементарных знаний по уходу за больным и рассказал ему всё, что знал. Шао Циханю пришлось снова поспешить в кабинет, зажать телефон между плечом и ухом и начать быстро записывать на стикеры.

Прошло около двадцати минут, прежде чем доктор Чэнь сказал:

— Хорошо, завтра утром я приду осмотреть господина Мужуна.

И повесил трубку. К этому времени Шао Цихань исписал уже четыре или пять стикеров.

Он смотрел на свои неразборчивые записи и ещё минут десять заучивал их наизусть.

— Теперь я знаю, как ухаживать за А-Цзю, если он снова напьётся! — думал Шао Цихань, наклоняясь и продолжая писать.

Хотя, скорее всего, сдержанный Мужун Цзю не станет напиваться до такого состояния. Но Шао Цихань не любил слишком много думать, поэтому он положил аккуратные стикеры на журнальный столик в гостиной и с тяжёлыми шагами поднялся на второй этаж.

После всех этих хлопот Шао Цихань был измотан. Опустив голову, он посмотрел на телефон в руке и решил, что это последнее, что он сделает перед сном.

Он снова тихо пробрался в спальню Мужун Цзю и, осторожно положив телефон на место, не смог удержаться, чтобы не взглянуть на своего друга, завернувшегося в одеяло, как в кокон.

Несмотря на то что в спальне был лишь слабый свет, пробивавшийся через щель в шторах, глаза Шао Циханя уже привыкли к темноте, и он мог разглядеть довольно много.

Он обошёл кровать и остановился напротив лица Мужун Цзю, разглядывая своего друга.

Мужун Цзю всё ещё крепко спал, большая часть его лица была скрыта тёплым одеялом, и с закрытыми глазами он выглядел как невинный ребёнок.

Шао Цихань вдруг почувствовал, что его ноги стали тяжёлыми, будто их налили свинцом. Дверь спальни казалась ему теперь такой далёкой, что он сомневался, сможет ли дойти до неё с такими ногами.

Какие-то десять метров превратились в его глазах в неприступную вершину Эвереста.

Более того, он вдруг почувствовал, будто перестал быть теплокровным существом. Его температура резко упала, стало холодно до костей, и тонкий халат уже не мог служить оправданием для нахождения в таком состоянии.

Шао Цихань смотрел на мягкое одеяло и милый бугорок на кровати, как голодный нищий на сочный, ароматный кусок мяса.

У Шао Циханя было множество недостатков и множество достоинств, но самым заметным из них была его решительность. В его лексиконе не было фразы «Лучше сделать, чем мечтать», только «Захотел — сделал».

Поэтому он шагнул к кровати, сел на край и, развернувшись, забрался на неё.

Эта кровать была для него так же знакома, как его собственная, и это неудивительно, ведь кровать Мужун Цзю и кровать Шао Циханя были «парными».

Единственные в мире кровати, сделанные на заказ, — разве это не «парные кровати»?

Кстати, у этих кроватей была интересная история.

Когда-то Шао Цихань, потомок богатой семьи, увлёкся коллекционированием мебели. Он

пропустил целый месяц учёбы, летая между Европой и Америкой, от Франции до Италии, от Испании до Флоренции, посещая известные мебельные мастерские и заказывая партии мебели. Эти две кровати были сделаны именно тогда.

Он хотел заказать уникальную кровать и, наблюдая за пожилым мастером, рисующим чертежи, и вставляя свои комментарии, получил звонок от Мужун Цзю.

Мужун Цзю выразил одну мысль:

— Возвращайся.

Шао Цихань ответил, что не может сейчас уехать.

Но он знал, что его друг не стал бы звонить без причины, поэтому добавил:

— Скоро вернусь, я заказал нам две прекрасные кровати.

Так уникальная кровать стала парной.

Когда Шао Цихань вернулся с кроватями, он узнал, почему Мужун Цзю так торопился.

Потому что Мужун И умер, и Мужун Цзю был на грани психологического срыва.

Шао Цихань помнил, как Мужун Цзю встретил его в аэропорту, выглядевшим таким жалким. В его глазах смешались радость, удовлетворение, растерянность и страх. Сначала Шао Цихань не понял, но потом осознал, что перед ним был полностью сломленный Мужун Цзю, наконец снявший свою броню.

<http://bllate.org/book/15114/1335700>